

Уильям ШЕКСПИР

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

ТРАГЕДИЯ О КОРИОЛАНЕ

ТИТ АНДРОНИК

ТРОИЛ И КРЕССИДА

Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2013

УДК 821.161.1
ББК 84(4Вел)-6я5
Ш36

Перевод с английского

*В оформлении книги использованы работы
художников XIX века.*

Шекспир У.

Ш36 Юлий Цезарь. Антоний и Клеопатра. Трагедия о Кориолане. Тит Андроник. Троил и Крессида. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 505 с.: ил. — (Собрание мировой классики).

ISBN 978-5-9922-1601-1

Уильям Шекспир (1561—1616) — английский поэт, драматург и актер, по праву считающийся величайшим писателем эпохи Возрождения. Его исторические хроники, потрясающие своей достоверностью, античные драмы, величайшие трагедии и восхитительные комедии не знают себе равных, и по сей день не сходят с мировых сцен.

В настоящее издание вошли пять знаменитых античных драм У. Шекспира — «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра», «Троил и Крессида», «Трагедия о Кориолане», «Тит Андроник».

УДК 821.161.1
ББК 84(4Вел)-6я5

ISBN 978-5-9922-1601-1

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Действующие лица

Юлий Цезарь	}	триумвиры после гибели Цезаря.
Октавий Цезарь		
Марк Антоний		
Марк Эмилий Лепид		
Цицерон	}	сенаторы.
Публий		
Попилий Лена		
Марк Брут	}	заговорщики.
Кассий		
Каска		
Требоний		
Лигарий		
Деций Брут		
Метелл Цимбер		
Цинна	}	трибуны.
Флавий		
Марулл		
Артемидор, софист Книдосский.		
Предсказатель.		
Цинна — стихотворец.		
Другой стихотворец.		
Луцилий	}	друзья Брута и Кассия.
Титиний		
Мессала		
Молодой Катон		
Волюмний	}	служители Брута.
Варрон		
Клит		
Клавдий		
Стратон		
Луций		
Дарданий		
Пиндар, служитель Кассия.		
Кальпурния, жена Цезаря.		
Порция, жена Брута.		

Сенаторы, граждане, стража, служители.

Место действия — Рим, Сарды, Филиппы.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

Рим. Улица.

Входят Флавий, Марулл и толпа граждан.

Флавий Домой, лентяи! Разве нынче праздник?
Скажите мне, не знаете вы, что ли,
Что в будни вам, мастеровым, нельзя
Ходить без внешних знаков ремесла?
Ты кто такой?

1-й гражданин. Я, сударь, плотник.

Марулл Так где ж отвес и кожаный передник?
Зачем идешь ты в праздничном наряде?
Эй, сударь, ваше ремесло какое?

2-й гражданин. Правду сказать, сударь, я ремесленник
неважный, если сравнить меня с хорошим мастеровым.

Марулл. Твое ремесло? Отвечай прямо.

2-й гражданин. Ремесло, сударь, надеюсь, такое, что
могу им заниматься без угрызения совести: я починаю грехи.

Марулл. Какое ж это ремесло? Ты, плут шутливый, ремес-
ло у тебя какое?

2-й гражданин. Нет, пожалуйста, сударь, не гневайтесь,
не надрывайтесь так. Впрочем, если надорветесь, я вам помогу.

Марулл. Что? Ты pomoжешь мне, грубиян?

2-й гражданин. Ну да, организую вам подметки.

Марулл. Так ты, значит, чеботарь?

2-й гражданин. Да, только и живу шилом. И только ши-
лом вмешиваюсь в дела торговцев и женщин. Я, по правде, врач
старой обуви. Когда она в опасности, я ее выручаю из беды. Са-
мых лучших людей, когда-либо ходивших на воловьей шкуре,
мне случалось ставить на ноги благодаря своему ремеслу.

Флавий Зачем же ты теперь не за работой?
Зачем людей ты этих за собою
По улицам таскаешь?

2-й гражданин. Я для того таскаю их за собою, чтобы
они скорее изнасили свою обувь; таким образом я добуду по-
больше работы. Шутки в сторону: мы сегодня отложили рабо-
ту, чтоб видеть Цезаря и выразить свой восторг по случаю его
торжества.

Марулл С чего восторг? С каким завоеваньем
Вернулся он в отчизну? Где они,

Те данники, что он привел в цепях,
Чтобы свою украсить колесницу?
Вы — камни, вы — бесчувственные твари!
Суровые сердца жестоких римлян
Забыли уж Помпея. Сколько раз
Взлезали вы на стены и на башни,
На окна, даже на вершины труб,
Держа детей в руках, и целый день
Сидели вы, с терпеньем ожидая,
Когда начнется шествие Помпея
По улицам ликующего Рима!
Когда его являлась колесница,
Восторженные клики раздавались;
Они с такою силою звучали,
Что самый Тибр в волненье приходил
Среди своих отвесных берегов,
Где ваши крики эхом повторялись.
Зачем же вы так пышно разрядились
И новый праздник создали, цветами
Безумно усыпая путь того,
Кто пролил кровь великого Помпея!
Скорей домой спешите! На колени
Падите пред богами, их молитесь,
Чтоб отвратили страшную ту кару,
Которую наверное накличет
Неблагодарность ваша.

Флавий

Да, уйдите,
Почтенные сограждане. Вам надо
Тяжелый свой проступок искупить.
Сберитесь, бедные, на берег Тибра.
Пусть ваши слезы каплют в него,
Пока вода и в самом мелком месте
Его высокий берег не затопит.

Граждане расходятся.

Расплавился подлейший из металлов:
Они ушли, сознав свою вину...
Ты путь свой к Капитолию направь,
А я другою улицей пойду,
Срывая украшения и трофеи
Везде, где только встретятся они.

Марулл

Но можно ль это сделать? Ведь сегодня,

Флавий Как это знаешь, праздник Луперкалий.
О, ничего! Нигде не оставляй
Ты Цезаря трофеев. По домам
Я буду чернь повсюду разгонять.
Примеру моему и ты последуй!
Мы Цезаря полет должны умерить,
Из крыл его выщипывая перья;
Не то он так поднимется высоко,
Что скроется из глаз людских совсем
И окует всех рабскою боязнью.

СЦЕНА II

Площадь. Шествие с музыкой.

Цезарь, Антоний (собирается участвовать в беге), Кальпурния,
Порция, Деций, Цицерон, Брут, Кассий и Каска.
За ними густая толпа, среди которой — предсказатель.

Цезарь Кальпурния!
Каска Пусть все умолкнут: Цезарь говорит!
 Музыка умолкает.
Цезарь Кальпурния!
Кальпурния Я здесь.
Цезарь Когда Антоний
 Начнет свой бег, стань на его дороге. —
 Антоний!
Антоний Что тебе угодно, Цезарь?
Цезарь Ты не забудь коснуться на бегу
 Кальпурнии. Нам старцы говорят,
 Что будто бы бесплодные рожают,
 Когда в беге священном их коснутся.
Антоний Могу ль забыть? Твои приказы, Цезарь,
 Немедленно всегда я исполняю.
Цезарь Не прерывайте шествия; при этом
 Обычные обряды соблюдайте.
Предсказатель О Цезарь!
Цезарь Кто зовет?
Каска Эй вы, молчите!
 Музыка умолкает.
Цезарь Кто из толпы сейчас ко мне взывал?
 Чей это голос, музыку покрывший,

Звал Цезаря? Ему внимать готов я.

Предсказатель
Тебе грозят бедую иды марта.

Цезарь
Кто этот человек?

Брут
Он предсказатель,
Тебе совет дающий опасаться
Ид марта.

Цезарь
Пусть приблизится ко мне!
Его в лицо хочу я увидеть.

Кассий
Приятель, выйди из толпы скорее
И к Цезарю приблизься.

Цезарь
Что сказал ты?
Свои слова ты повтори при мне.

Предсказатель
Тебе грозят бедую иды марта!

Цезарь
Он бредит. Бросим же его. Пойдем.

Музыка. Все уходят, кроме Брута и Кассия.

Кассий
Ты разве не пойдешь смотреть на бег?

Брут
Охоты нет.

Кассий
Прошу, пойдём со мною.

Брут
Я не любитель игр; мне не хватает
Веселости Антония. Тебе
Помехой быть я не желаю, Кассий,
И потому уйду.

Кассий
Послушай, Брут!
Я с некоторых пор не замечаю
В твоих глазах той нежности, той дружбы,
К которым я привык. Ты с лучшим другом
И скрытен стал, и холоден.

Брут
О Кассий,
Поверь, ты ошибаешься. Мой взор,
Быть может, омрачился, но тому
Причиной служит внутренний разлад.
Я жертвой стал тревожных, мрачных дум,
Что меж собою в вечном разногласьи.
Те думы лишь касаются меня
И могут, для меня и незаметно,
Влиять на обращение мое.
Моим друзьям не надо огорчаться, —

Брут

Что за крики?

Боюсь я, что Цезаря народ
Провозгласит царем.

Кассий

Боишься ты, —

Так, верно, этого ты не желаешь?

Брут

О нет, хоть крепко я люблю его...
Но ты зачем меня так долго держишь?
Скажи ты мне, что сообщить хотел...
Коль речь твоя общественного блага
Коснется, и ты выбор мне предложишь
Меж честью или смертью — выбор мой,
Поверь, недолго ждать себя заставит:
Я честь люблю, то знаете вы, боги,
И к ней любовь сильнее страха смерти!

Кассий

Я знаю, Брут, что эта добродетель
В твоей душе, и потому о чести
С тобою я беседу поведу.
Не знаю я, как думают другие
И ты об этой жизни, но по мне
Отраднее не жить, чем трепетать
Пред существом, что вам во всем подобно.
Мы родились свободными, как Цезарь,
Мы одинаково вскормлены, как и он,
Переносить мы можем зимний холод.
Мне помнится, однажды в бурный день,
Когда ревущий Тибр, покрытый пеной,
Из берегов рвался в остервененьи,
Мне Цезарь так сказал:
«Дерзнешь ли, Кассий,
Ты броситься в клокочущие волны
И плыть со мной к условленному месту?»
Ни слова не сказав, совсем одетый,
Я бросился в бушующую реку
И крикнул, чтоб он следовал за мною.
Поплыл и он. Ревел и злился Тибр.
Мы мощными руками рассекали
Клубящиеся волны, от себя
Отбрасывая их в борьбе тяжелой.
Но вот вдруг Цезарь, цели не достигнув,
Мне закричал: «О Кассий, помоги!
Иль я пойду ко дну!» К нему подплыл я

И Цезаря, что выбился из сил,
Я вытащил из волн ревущих Тибра,
Как некогда великий предок наш,
Эней, из Трои вынес на плечах
Анхиза престарелого. Теперь
Он богом стал, и жалкий Кассий должен
Сгибаться перед ним, когда небрежно
Ему кивнуть угодно головой.
В Испании, когда он в лихорадке
Лежал, во время приступов ее
Он весь дрожал; да, этот бог дрожал!
С его трусливых губ сбежала краска,
И взор, что целый мир приводит в трепет,
Совсем померк. Я слышал, как стонал он;
Его уста, которых изреченья
Записывают римляне, шептали
Так жалобно, как девочка больная:
«Титиний, дай мне пить». Я удивляюсь,
О боги, что такой щедушный смертный
Повелевает миром и один
Над всеми первенствует.

Брут

Снова крики!

В них вижу доказательство того,
Что почестями новыми народ
Осыпал Цезаря.

Кассий

Он, как Колосс

Загромоздил наш узкий мир собою,
А мы, созданья жалкие, снуем
Меж ног его громадных и пугливо,
Глядя кругом, могил бесславных ищем!..
Поверь мне, Брут, что может человек
Располагать судьбой, как хочет.
Не в звездах, нет, а в нас самих ищи
Причину, что ничтожны мы и слабы.
Поставим рядом Цезаря и Брута —
Что ж в Цезаре особенного есть?
Зачем, ты объясни мне, это имя
Должны мы слышать чаще твоего?
Их рядом напиши — они друг другу
В красе не уступают; рядом их
Произнеси — и оба благозвучны;

Коль взвесишь их — и оба полновесны.
Ты ими заклинай — и так же сильно
Поддействует на чувства имя Брута,
Как имя Цезаря. Скажите, боги,
Какою же неведомою пищей
Питается наш Цезарь, что так скоро
И так ужасно вырос? Жалкий век!
Ты опозорен, Рим! Утратил ты
Способность создавать мужей великих!
Случалось ли хоть раз, от дней потопа,
Чтоб поколение целое людей
Прославилось одним лишь человеком?
До сей поры сказал ли кто-нибудь,
Что одного лишь мужа славный Рим
В стенах своих обширных заключает?
Теперь же — это истина. О Рим!
Имея одного лишь человека,
Ты опустел! А от отцов и дедов
Слыхали мы, что жил когда-то Брут,
Который, словно дьявола, тирана
Не потерпел бы в Риме.

Брут

Я несколько
В твоей любви не сомневаюсь, Кассий.
Отчасти я угадываю то,
К чему меня ты побудить стремишься...
Что думаю о нашем положении —
Я сообщу тебе в другое время;
Теперь же не расстраивай меня;
Обдумаю, что сказано тобою,
И выслушать готов, что остается
Тебе сказать. Чтоб говорить о деле,
Удобнее должны мы выбрать время,
А до того довольствуйся и этим.
Такие мы переживаем дни
И столько бед мне видится в грядущем,
Что мне отрадней было б превратиться
В простого селянина, чем носить
Название сына Рима!

Кассий

Счастлив я,
Что слабыми словами мог извлечь
Хоть искру из души великой Брута.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Действующие лица

- Марк Антоний
Октавий Цезарь
Марк Эмилий Лепид } триумвиры.
Секст Помпей.
Домиций Энобарб }
Вентидий }
Эрос } придворные Антония.
Скар }
Дерцет }
Деметрий }
Филон }
Меценат }
Агриппа }
Долабелла } придворные Цезаря.
Прокулей }
Тирей }
Галл }
Менас }
Менекрат } приверженцы Помпея.
Варрий }
Тавр, главный военачальник Цезаря.
Канидий, главный из военачальников Антония.
Силий, один из вождей под начальством Вентидия.
Эвфроний, посол Антония к Цезарю.
Алэксас }
Мардиан } придворные Клеопатры.
Селевк }
Диомед }
Предсказатель.
Поселянин.
Клеопатра, царица Египта.
Октавия, сестра Цезаря и жена Антония.
Хармиана }
Ирада } прислужницы Клеопатры.
- Вожди, воины, гонцы, слуги и придворные.

Место действия — разные части Римской империи.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

Александрия. Комната во дворце Клеопатры.

Входят Деметрий и Филон.

Филон Нет, чересчур безумствует наш вождь:
Его глаза, блестявшие, бывало,
Как Марс в броне, пред строем боевым,
Забыв свой долг, с подобострастным взглядом
Устремлены на смуглое чело;
В его груди воинственное сердце,
Что в схватках битв великих разрывало
Застежки лат, утратило свой нрав
И сделалось отныне опухалом,
Чтоб страстный пыл цыганки охлаждать.
Они идут: смотри — и ты увидишь,
Что третий столп вселенной стал шутом
Развратницы. Смотри и замечай.

Трубы. Входят Антоний и Клеопатра со свитой;
евнухи обвевают ее опухалами.

Клеопатра Когда меня ты вправду любишь, то
Насколько?

Антоний О, ничтожна та любовь,
Которая доступна измеренью.

Клеопатра Я знать хочу пределы, до которых
Любимой быть могу.

Антоний Так поищи
Другой земли, найди другое небо.

Входит слуга.

Слуга Известия из Рима, повелитель.

Антоний Вот скука-то! Короче говори.

Клеопатра Нет, выслушай в подробностях, Антоний.
Не сердится ль там Фульвия твоя?
Иль, может быть, скудобородый Цезарь
Тебе прислал властительный приказ:
«Иди туда и сделай то иль это,
Возьми страну, освободи другую;
Исполни все — иль будешь осужден».

Антоний Да что с тобой, моя любовь?

Клеопатра Быть может,
Наверно так — не должен ты здесь быть:
От Цезаря пришла твоя отставка;

Все выслушай. Ну, где позыв к суду
От Фульвии? Нет, я сказать хотела
От Цезаря, иль от обоих?
Прими послов. Я именем царицы
Египетской клянусь: ты покраснел!
Румянец твой — дань Цезарю, иль щеки
Так у тебя горят стыдом, когда
Твоя жена крикливая бранится.
Послов сюда!

Антоний

Пусть Тибр размочит Рим,
Пусть рухнет свод империи громадной,
Мне место здесь. Все царства — прах, земля
Презренная питает бессловесных,
Как и людей; все благородство жизни
Вот в чем.
(Целует ее.)

Когда чете, подобной нам,
Двум любящим, возможно делать это.
И я беру в свидетели весь мир,
Что пары нам подобной нет на свете.

Клеопатра

Какая ложь! Зачем женился ты
На Фульвии, когда ее не любишь?
О, я кажусь лишь глупою: Антоний
Останется всегда самим собой.

Антоний

Когда его поддержит Клеопатра.
Но из любви к владычице любви
И сладостным часам ее, не будем
На колкости мы времени терять.
Пусть ни одна минута нашей жизни
Отныне не проходит без утех.
Чем в эту ночь мы будем забавляться?

Клеопатра

Прими послов.

Антоний

Сварливая царица,
Которой все пристало — брань, и смех,
И плач! В тебе страсть каждая стремится
Прекрасной быть и возбуждать восторг!
Не нужно мне послов! Я твой; с тобою
Вдвоем бродить мы будем в эту ночь
По улицам и нравы наблюдать
Народные. Ну, что ж, идем царица,
Ты этого желала так вчера.
(Слуге.)

Предсказатель. Ты будешь далеко прекрасней, чем теперь.

Хармиана. Он хочет сказать, что цвет лица у меня будет лучше.

Ирада. Нет, то, что ты будешь краситься в старости.

Хармиана. Ни слова о морщинах!

Александр. Не мешайте его предвидению, будьте внимательны.

Хармиана. Тсс!

Предсказатель. Ты будешь любить больше, чем сама будешь любима.

Хармиана. Я скорее желала бы воспламенять свою печень вином, чем любовью.

Александр. Да послушай его.

Хармиана. Предскажи мне какое-нибудь особенное счастье. Пусть в одно утро я сделаюсь женою и вдовою трех царей; пусть в пятидесятилетнем возрасте у меня родится ребенок, пред которым преклонился бы сам Ирод Иудейский; предскажи, что я выйду замуж за Октавия Цезаря и сделаюсь равной моей повелительнице!

Предсказатель

Переживешь ты ту, которой служишь.

Хармиана. Превосходно! Долгая жизнь милее мне всяких посулов.

Предсказатель

Счастливей была ты, чем ты будешь.

Хармиана. В таком случае, должно быть, моим детям придется оставаться без имени. Скажи, сколько у меня будет мальчиков и девочек?

Предсказатель

Будь каждое твое желанье чревом
И принеси плоды, то — миллион.

Хармиана. Убирайся, шут! Я прощаю тебя только потому, что ты — колдун.

Александр. А ты воображала, что твои тайные желания известны только твоим простыням?

Хармиана. Нет, постой, предскажи судьбу Иры.

Александр. Мы все желаем узнать свою судьбу.

Энобарб. Судьба моя и большинства из нас — лечь в эту ночь в постель пьяными.

Ирада. Вот ладонь, предсказывавшая по крайней мере целомудрие, если ничего больше.

Хармиана. Точно так же, как разлив Нила предвещает голод.

Ирада. Молчи, ветренная сопостельница, ты ничего не смыслишь в ворожбе.

Хармиана. Но если масляная рука не служит признаком плодородия, то я не в состоянии почесать у себя за ухом. Прошу тебя, предскажи ей самое обыденное счастье.

Предсказатель. Ваши судьбы одинаковы.

Ирада. Но каким образом? Объясни в подробности.

Предсказатель. Я сказал.

Ирада. Неужели я не буду счастливее ее ни на один дюйм?

Хармиана. Если бы ты была счастливей меня на один дюйм, куда бы ты приставила этот дюйм счастья?

Ирада. Не к носу моего мужа.

Хармиана. Да исправит небо наши дурные помыслы! Теперь об Алексасе. Его судьбу, его судьбу! О, Исида, молю тебя: пусть он женится на какой-нибудь безногой калеке, и пусть она умрет; затем дай ему жену еще хуже; пусть за худшею последует еще более скверная, и так далее, пока самая отвратительная из всех не проводит его в могилу, насмехаясь над ним, пятидесятикратным рогоносцем! Всеблагая Исида, услышь эту молитву, хотя бы ты отказала мне в чем-нибудь другом, более важном. Милостивая Исида, молю тебя!

Ирада. Аминь. Добрая Исида, услышь эту молитву. Если сердце болит при виде хорошего человека, женатого на беспутной женщине, то смертельно прискорбно видеть гнусного негодяя не рогатым. Итак, добрая Исида, соблюди приличие и пошли ему судьбу по заслугам.

Хармиана. Аминь.

Алексас. Вот как! Если бы от них зависело сделать меня рогоносцем, то они готовы бы сами превратиться для этого в публичных женщин.

Энобарб Тсс! Вот идет Антоний.

Хармиана Нет — царица.

Входит Клеопатра.

Клеопатра Не видели Антония вы?

Энобарб Нет.

Клеопатра Не приходил сюда он?

Хармиана Нет, царица.

Клеопатра Он весел был, но вдруг задумчив стал;
Должно быть, весть из Рима... Энобарб!

Энобарб Что повелишь, царица?

Клеопатра Отыщи
Антония и приведи сюда.
А где Алекс?

Алексас Он здесь, к твоим услугам.
Входит Антоний в сопровождении гонца и свиты.

Клеопатра А вот идет мой властелин. Не будем
Мы замечать его; уйдемте все.
Клеопатра, Энобарб, Алексас, Ирада, Хармиана,
предсказатель и свита уходят.

Гонец Сперва твоя супруга вышла в поле...

Антоний Чтобы идти на брата моего,
На Луция?

Гонец Так точно. Только скоро
Окончилась их распря, и они
На Цезаря, соединясь, восстали.
Разбивши их при первой встрече, он
Их выгнал из Италии.

Антоний Что дальше?
Есть хуже весть?

Гонец Известия дурные
Вредят тому, кто их передает.

Антоний В глазах глупца иль труса. Продолжай!
Что минуло, с тем я уже покончил.
Я вот каков: кто говорит мне правду —
Хотя бы смерть была в его словах —
Того готов я слушать благосклонно,
Как будто бы он льстит мне.

Гонец Лабиев —
Дурная весть! — с парфянским войском занял
Всю Азию от берегов Евфрата;
От Сирии до Лидии, до самой
Ионии победные знамена
Он развернул, а между тем...

Антоний Антоний,
Желаешь ты сказать...

Гонец О повелитель...

Антоний Ну, говори, не бойся, не смягчай Молвы; зови так точно Клеопатру, Как в Риме там ее зовут; словами Моей жены брани меня; проступки Мои кори свободно, как лишь могут Их порицать и злость, и правда вместе, О, плевелы произрашаем мы, Когда живой нас ветер не тревожит. Чем служит плуг для нивы, тем для нас Весть о бедáх, в которых мы виновны. Прощай пока.

Гонец Счастливо оставаться.
(Уходит.)

Антоний Известия из Сикиона! Эй! Гонца сюда.

1 - й слуга Гонца из Сикиона! Есть тут такой?

2 - й слуга Он ждет.

Антоний Так пусть войдет. Иль разорвать египетские цепи Я должен, иль совсем сойти с ума.
Входит другой гонец.

Антоний Что скажешь ты?

2 - й гонец Жена твоя скончалась.

Антоний Где?

2 - й гонец В Сикионе. А о том, как долго Была она больна и обо всем Другом, что для тебя еще важнее, Узнаешь вот из этого.
(Подает ему письмо.)

Антоний Уйди.
Второй гонец уходит.

Скончалась великая душа; И я желал так этого! Но часто Желали бы мы снова овладеть Тем, что сперва с презреньем отвергали. Что радует нас в настоящем, то Со временем становится противным.

они напоминают ему о портных, которые, когда износится у вас старое платье, утешают тем, что можно будет сделать новое. Если бы на свете не было других женщин, кроме Фульвии, то ее смерть была бы для тебя действительно ударом и ты мог бы о ней горевать; но теперь твоя печаль увенчивается утешением: вместо старой женской рубашки ты получишь новую юбку. И, право, это горе следует оплакивать разве теми слезами, которые заключаются в луковице.

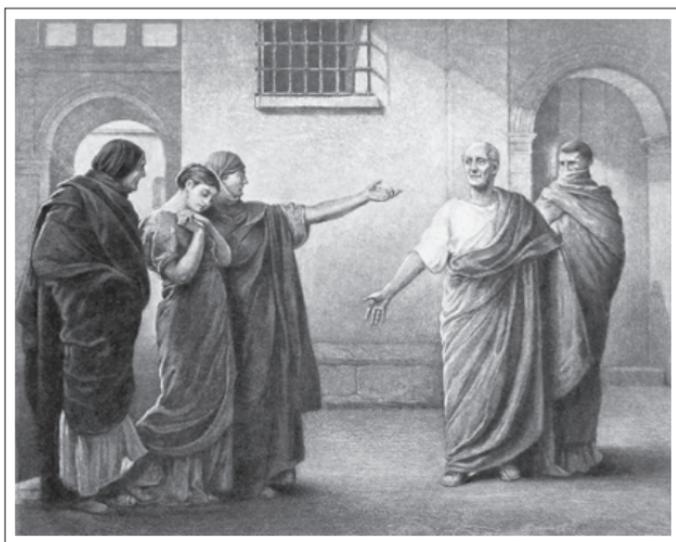
Антоний. Дело, которое из-за нее началось в Риме, не терпит моего отсутствия.

Энобарб. А дело, начатое тобой здесь, не может обойтись без тебя, особенно дело с Клеопатрой, которое вполне зависит от твоего пребывания в Египте.

Антоний Довольно вздор болтать. Уведомь наших
Начальников о том, что мы решили.
Царице я причину объясню —
Как, почему я еду, и согласие
На мой отъезд от милой получу.
Не только смерть жены, с другими вместе
Важнейшими причинами меня
Торопит в Рим, но также письма многих
Моих друзей. Там Секст Помпей восстал
На Цезаря; он властвует над морем;
Изменчивый народ, что никогда
Достойного не любит и не ценит,
Покуда он со сцены не сошел,
Все доблести Великого Помпея
И весь почет на Секста перенес,
И Секст Помпей, гордясь своею силой
И именем, а более всего
Горячею отвагой, поднялся
До степени великого вождя,
И эта роль опасностью для мира
Грозит, коль так он будет продолжать
Там многое такое зародилось,
В чем есть уж жизнь, как в конских волосах,
В которых яд еще не появился.
Уведомь же подвластных мне вождей,
Что должен я отправиться отсюда
Немедленно.

Энобарб Исполню, повелитель.

ТРАГЕДИЯ О КОРИОЛАНЕ

Действующие лица

Кай Марций, затем Кай Марций Кориолан.
Тит Ларций } Римские полководцы в войне с вольсками.
Коминий }
Менений Агриппа, друг Кориолана.
Сициний Велут } Народные трибуны.
Юний Брут }
Молодой Марций, сын Кориолана.
Тулл Авфидий, полководец вольсков.
Военачальник вольсков, подчиненный Авфидию.
Заговорщики Авфидия.
Горожанин из Анциума.
Два вольских часовых.
Волумния, мать Кориолана.
Виргилия, жена Кориолана.
Валерия, подруга Виргилии.
Римские и вольские сенаторы, патриции, эдилы, ликторы, воины, горожане, гонцы, слуги Авфидия и другие слуги.

Место действия — Рим и его окрестности; Кориолы и их окрестности; Анциум.

АКТ I СЦЕНА I

Рим. Улица.

Входит толпа восставших горожан с палками, дубинами и другим оружием.

Первый горожанин. Слушайте, слушайте, прежде чем идти дальше.

Все. Говори, говори.

Первый горожанин. Решились вы все скорее умереть, чем терпеть голод?

Все. Решились, решились.

Первый горожанин. А известно ли вам, что Кай Марций — главный враг народа?

Все. Известно, известно.

Первый горожанин. Так убьем его — и хлеб подешевеет. Таков ли наш приговор?

Все. Не стоит и толковать; убьем, и больше ничего; идем, идем!

Второй горожанин. Одно слово, добрые граждане...

Первый горожанин. Мы тебе не добрые граждане: все добро — у патрициев. Нас могло бы спасти одно то, что богачам уже в горло не лезет. Если бы они отдали нам объедки со своего стола, пока они не прокисли, мы сказали бы, что нам помогли по-человечески; но они находят, что мы и без того им дорого обходимся. Наша худоба, вид нашей нищеты — это вывеска их благосостояния. Чем больше мы страдаем, тем лучше для них. Отомстим им нашими кольями, покуда мы не высохли еще совсем, как жерди. Богов призываю в свидетели — не от жажды мщения, а от голода говорю я это.

Второй горожанин. И вы хотите начать с Кая Марция?

Все. Да, с него первого: он истинный пес для народа.

Второй горожанин. А помните вы про его заслуги перед родиной?

Первый горожанин. Очень даже помню. И похвалил бы его, если бы сам он спесью себя не вознаграждал.

Второй горожанин. Постой, постой! Ты только говори без озлобления.

Первый горожанин. Говорю тебе — все, чем он прославился, сделано ради этой самой спеси. И хотя добродушные простаки готовы признать, что это для родины, а на самом деле он делал в угоду матери; ну, конечно, и ради собственной спеси, которая не меньше его славы.

Второй горожанин. То, чего он не может изменить в своей природе, ты считаешь пороком. Но уж ты никогда не скажешь, что он жаден.

Первый горожанин. Это-то правда; зато в других обвинениях недостатка у меня не будет. Пороков у него не оберешься, — устанешь, их перечисляя.

За сценой крики.

Что это за шум? Восстала и другая часть города. Что же мы даром теряем время? В Капитолий!

Все Идем, идем.

Первый горожанин. Тише! Кто идет к нам?

Входит Менений Агриппа.

Второй горожанин. Достоянейший Менений Агриппа — тот, который всегда любит народ.

Первый горожанин. Да, он честный человек; если бы все были такими!

Менений Что с вами, земляки? Куда идете
С дубинами и палками? Скажите.

Первый горожанин. Сенату известно, в чем дело. Там уже недельки две как могли догадаться, что мы задумали, а теперь мы это на деле покажем. Говорят, что от бедняков крепко пахнет; а теперь узнают, что у нас и руки не слабые.

Менений Друзья мои, почтенные соседи,
Ужель вы ищите себе беды?

Первый горожанин. Не ищем мы, — попали уж в нее.

Менений Скажу, друзья, заботою своей
Патриции не забывают вас.
Но в бедствиях, в нужде, в страданиях вам
Подняться против Рима — это то же,
Что против неба с палкой восставать.
Поверьте, воля Рима устранил
С пути порядка тысячи препятствий
И посильней, чем в замыслах у вас.
Ведь не патриции, а боги вам
Создали голод, и помочь должны
Не руки, а колени и молитвы.
Увы! Беда послала вас туда,
Где худшее вас ждет, и вы без толку
Порочите отчизны рулевых.
Они о вас пекутся, как отцы,
А вы проклятья шлете, как врагам.

Первый горожанин. Пекутся о нас! Нечего сказать! Да они никогда о нас не заботились. У них амбары от хлеба ломаются, а они морят нас голодом да издают законы о ростовщичестве, которые идут на пользу ростовщикам; всякий день отменяют какой-нибудь хороший закон, тяжкий для богачей, а для бедняков, что ни день, издают новые постановления, чтобы покрепче

скрутить и прижать их. Если только война не пожрет нас, они сами это сделают; вот какова их любовь к нам.

Менений

Иль вы должны

Признать в себе чудовишную злобу,
Иль вы глупы. Но я вам предложу
Рассказ отличный, — может, вам знакомый,
А все ж вполне уместный, — постарайтесь
Раскрыть его значенье шире.

Первый горожанин. Ладно уж, слушаем. Только не рассчитывай, что тебе удастся замаслить своим рассказом наши лишения. Так и быть, начинай.

Менений

Однажды в человеке части тела
Восстали против чрева, утверждая,
Что будто бы оно, как омут в теле,
Всю пищу поглощает, а само,
Ленивое, не занято работой,
Меж тем как все другие члены тела
Глядят, изобретают, слышат, ходят
И осязают, учат, принимая
Взаимное участие в стремленьях
И склонностях всего живого тела;
А чрево им ответило...

Первый горожанин. Ну, ну, говори; что чрево им ответило?

Менений

Я расскажу вам. С тонкою улыбкой,
Не очень радостной, а вот как эта
(Взгляните — волен я заставить чрево
И улыбаться, как и говорить),
Язвительно ответило оно
Мятежникам, завистникам доходов,
Которые точь-в-точь шумели так,
Как вы сейчас сенаторов хулите
За то, что вы им не чета...

Первый

Но что же,

горожанин

Что голове под царственным венцом,
Что бдительному глазу и руке-Борцу,
И сердцу, что дает советы,
Ноге-коню, и языку-горнисту,
И всем помощникам и мелким слугам,
Что в нашем теле трудятся, могло
Ответить чрево, коль они...

Менений

Ну что?

Ты перебил меня — кончай же сам!
Ну говори!

Первый
горожанин
Менений

Когда прожора этот,
Живот, ведет их к истощенью...
Ну?

Первый
горожанин
Менений

На жалобу всех органов телесных
Что он ответит?

Я вам расскажу.
Хотя у вас короткое терпенье,
Но все ж вниманье уделите мне.
Ты очень тянешь.

Первый
горожанин
Менений

Слушай, добрый друг.
Живот степенный был нетороплив,
Не опрометчив, как они. Ответил:
«Друзья-сочлены, вы сказали правду:
Я принимаю общий харч сначала,
Которым вы живете. Так и надо:
Для тела я и лавка и амбар.
Но помните: я рассылаю соки
По всем рекам, несущим кровь по телу,
И к сердцу во дворец, и к трону-мозгу.
Через все проходы тела и извивы,
От крепкой мышцы до последней жилки —
Все получает силу от меня,
Чтоб жить. Но, добрые мои друзья,
Хоть всем вам...»
(Первому горожанину.)

Первый
горожанин
Менений

Так, заметь, сказало чрево!
Ну, хорошо...

«Хоть всем вам и не видно,
Что отдаю я каждому из вас,
Однако я могу закончить так:
Вы от меня берете всю мукú, —
Мне остаются отруби».
(Первому горожанину.)
Что скажешь?

Первый
горожанин
Менений

Ответ неглупый. А какой твой вывод?
Сенаторы — разумнейший живот,
Вы ж — члены непокорные. Лишь стоит

Вам оценить их доброе усердьё,
 Заботы их об общем нашем деле —
 И согласитесь вы, что благо всех
 Всегда исходит и приходит только
 От них, а не от вас. — Что скажешь ты,
 Большой в собрание палец?

Первый горожанин
 Менений

Большой палец! Но почему я — большой палец?
 А потому, что в этом мудром бунте
 Ты, самый слабый, жалкий и ничтожный,
 Зачинщиком желаете быть и рвешься
 Вперед, ища поживы. Колья, палки
 Готовы к битве. И за это кто-то
 Поплатится.

Входит Кай Марций.

Привет, достойный Марций!

Марций

Спасибо.
(Толпе.)
 Эй, в чем дело? Для чего вы,
 Мятежные бездельники, мерзавцы,
 Поддавшись духу ваших жалких мнений,
 Себе коросту начесали?

Первый горожанин

Вечно

Марций

Для нас ты доброе словцо имеешь.
 К тебе кто с добрым словом обратится,
 Тот с омерзеньем будет лстить, конечно.
(Толпе.)
 Что надо вам, дворягам, недовольным
 И миром и войной? Война пугает,
 А без войны становитесь спесивы.
 Чуть положишь на вас — найдешь гусей,
 Где ждал лисиц, и зайцев вместо львов.
 Вы не верней каленого угля
 На льду, вы — градины под жарким солнцем.
 О нет! Способны вы хвалить того,
 Кто склонен к преступленью, а закон,
 Карающий его, вам ненавистен.
 Кто истинно велик — противен вам.
 Желанья ваши — лишь больного блажь,
 Способная недуг его усилить.
 Тот с плавниками из свинца плывет

И хрупким тростником дубы срубает,
Кто положился в чем-либо на вас.
Идите к черту! Верить, верить вам,
Раз каждый час меняете вы мненья,
Готовые того превознести,
Кто только что вам ненавистен был,
И очернить вчерашнего любимца?
В чем дело? Почему везде кричите
Вы против благородного сената,
Который волею бессмертных в страхе
Вас держит, чтобы не пожрали вы
Друг друга?
(Менению.)

Объясни мне, что им надо?

Менений

На хлеб цены дешевой. Говорят,
Есть в городе запасы.

Марций

Говорят?

К чертям их! Заседают на насесте —
И в Капитолий нос совать дерзают:
Кто в ход пошел, кто преуспел в делах,
Кто ослабел; кто с кем в союзе там,
Кто женится, по их предположеньям.
Чуть кто им люб, так за того горой;
Не люб — так с грязью тотчас же смешают.
Они толкуют про запасы хлеба?
Когда б сенат отбросил состраданье
И мне позволил в ход пустить мой меч,
Тогда из тысяч этих всех рабов,
Что рыскают по городу сейчас,
Я навалил бы гору — вышиною
С мое копьё.

Менений

Молчи, притихли эти уж совсем

И, несмотря на все свое нахальство,
Расходятся трусливо. Но скажи мне,
Как обстоят дела с другой толпой?

Марций

Рассеялась, — чтоб черт их всех побрал!
Они кричали, будто голодают,
Пословицами сыпали угрюмо:
Что голод даже крепости берет,
Что и собаки есть должны, а пища
Должна бы направляться в рот, что боги
Не богачам одним зерно послали, —
И изливали жалобы свои

Косноязычно, а когда им вняли
И обещали требованье их
Исполнить, — а оно необычайно
(Оно должно разбить сердца всей знати,
Заставив силу власти потускнеть!), —
Они в восторге шапками кидали,
Стараясь их забросить на луну.
И что ж им обещали?

Менений
Марций

Им даны,
Для поддержанья их затей негодных,
Пять ими всеми избранных трибунов:
Сициний Велут, Юний Брут, еще...
Не помню... Черт возьми! Скорей бы чернь
Могла снести по городу все крыши,
Чем одержать победу надо мной.
Она со временем окрепнет в силе
Для худших возмущений.

Менений
Марций

Странно, странно.

(толпе)
Ну, по домам, отребье, расходись!

Входит торопливо гонец.

Гонец
Марций
Гонец
Марций

Здесь ли Кай Марций?
Здесь. Скажи, в чем дело.
С известьем я, что вольски поднялись.
Я очень рад. Вот случай нам извергнуть
Все затхлые излишки. Вот идут
Почтенные отцы.

Входят Коминий, Тит Ларций и другие сенаторы,
Юний Брут и Сициний Велут.

Первый
сенатор
Марций

Сбылось, о чем ты, Марций, говорил:
Вооружились вольски.
Тулл Авфидий —
Их вождь; наделает он вам хлопот.
Соперничаю с ним я в благородстве,
И если б я не я был, то хотел бы
Быть только им.

Коминий
Марций

Ты с ним уже сражался?

Когда бы мир распался на две рати,
А он со мной остался бы в одной, —
Я поднял бы мятеж, чтоб с ним сразиться.
Он лев: горжусь охотой на него.

Первый сенатор
Коминий

Тогда, достойный Марций, в этих битвах
Сопровождай Коминия.

Ты это

Мне раньше обещал.

Марций

Готов и ныне:
Во всем я постоянен. Ты, Тит Ларций,
Меня увидишь снова в битве с Туллом
Лицом к лицу. А сам ты ослабел
И дома остаешься?

Тит

Нет, Кай Марций;
Хоть мне придется драться костылем
И на костыль опершись, — не отстану.

Менений
Первый сенатор

О доблестная кровь!
Скорее в Капитолий, — там друзья
Нас ждут.

Тит

Веди же нас туда, Коминий.
(Марцию.)
Иди за ним; а мы все за тобой
Последовать должны; ты справедливо
Достоин первенства.

Коминий
Первый сенатор
Марций

О славный Ларций!
(горожанам)
Ну, что же вы? Ступайте по домам.
Нет, нет, пускай последуют за нами;
У вольсков много хлеба; этих крыс
Возьмем амбары грабить.
(Толпе.)

Вот, смутьяны
Почтенные, отваге вашей выход;
Прошу, за нами!

Уходят сенаторы, Коминий, Марций, Тит и Менений.
Горожане потихоньку расходятся.

Сициний

Видал ли ты на свете человека
Надменной Марция?

Брут

Нет, не видал.

Сициний

Когда нас избирал народ в трибуны...

Брут

Заметил ты его глаза и губы?

Сициний

Нет, только оскорбления его.

Брут

Взбесившись, он богов не пощадит.

Авфидий

А ты?

О чем бы ни задумали у нас,
Осуществить успеем ли мы раньше,
Чем это Рим пронюхает? Да вот,
Четыре дня назад я получил
Посланье. Здесь со мной как будто... Да.
(Читает.)

«Они собрали войско. Неизвестно,
На запад иль восток его пошлют.
Хлеб в Риме дорог, а народ мятежен,
И ходит слух, что будто бы Коминий,
А также давний враг твой Марций (в Риме
Его сильней, чем сам ты, ненавидят),
Храбрый римлянин Тит Ларций — трое
Поход готовят. А куда направят?
Всего скорее — на тебя пойдут.
Обдумай это».

Первый
сенатор

Войско наше — в поле.

Мы никогда еще не сомневались
В том, что всегда готов нам Рим ответить.

Авфидий

И не считал ты глупым под секретом
Все замыслы великие держать,
Пока нужда не выведет наружу.
Но выводком они гуляют в Риме;
Раскрыто все, и нам уж не удастся
Взять много городов, как мы хотели,
Пока узнают в Риме о войне.

Второй
сенатор

Авфидий благородный, будь вождем
И торопись к отряду своему,
А нас оставь охраной в Кориолах.
При их осаде с войском подоспеешь,
Чтоб снять ее. Но думается мне,
Что не готовы римляне.

Авфидий

Готовы,

Я это знаю. Более того:
Уже сюда направлено их войско.
Прощайте же. Случится встретить мне
Там Кая Марция — тогда, клянусь я,
Мы смертным боем будем драться с ним.

Все

Да будет помощь от богов тебе!

Авфидий

И вашу честь пускай хранят они!

Первый
сенатор
Второй
сенатор
Все

Счастливым путем!

Прощай!

Прощай!

Уходят.

СЦЕНА 3

Рим. Комната в доме Марция.

Входят Волумния и Виргилия. Они садятся на два
низеньких табурета и шьют.

Волумния. Прошу тебя, дочь моя, спой что-нибудь или будь повеселей. Если бы Марций был моим мужем, меня больше радовало бы его отсутствие, когда он создает себе славу, чем самые жаркие брачные поцелуи. В ту пору, когда его тело было еще очень нежным и он был единственным сыном моего чрева, когда его юношеская красота пленяла взоры встречных, в эту пору, когда ни одна мать ни за что не рассталась бы с сыном ни на час, даже если бы об этом просили цари, — я охотно разрешала ему искать опасностей и с ними — славы; ибо я понимала, что такому сыну подобает честь и не годится ему быть похожим на повешенную на стене картину, оставаясь глухим к призывам славы. Я послала его на тяжкую войну, и он вернулся с дубовым венком на челе. Уверяю тебя, дочь моя, что я меньше ликовала, когда узнала, что родила мальчика, чем тогда, когда в первый раз узнала, что он проявил себя храбрецом.

Виргилия. А если бы он погиб на войне? Что тогда?

Волумния. Тогда добрая слава о нем стала бы моим сыном, и в ней я обрела бы себе потомство. Говорю по правде тебе: будь у меня двенадцать сыновей, любимых мною столь же сильно, как наш добрый Марций, — я легче перенесла бы благородную гибель одиннадцати за отечество, нежели праздную жизнь двенадцатого.

Входит прислужница.

Прислужница. Благородная Валерия желает вас видеть.

Виргилия. Разрешите мне удалиться.

Волумния. Не уходи.

Мне кажется, я слышу барабаны
И вижу мужа твоего — как будто

За волосы Авфидия он тащит.
Бегут, как дети от медведя, вольски.
Мне кажется, он топает ногой,
Кричит войскам: «Вперед, вперед же, трусы,
Зачатые в час робости позорной,
Хотя и были в Риме рождены!»
И сам рукой, закованною в сталь,
С чела стирает кровь, вперед шагая,
Как жнец, который взялся все убрать
Или лишиться платы за работу.

Виргилия

Чело в крови! Не надо, о Юпитер!

Волумния

Глупа ты! Замолчи! Идет мужчине
Скорее кровь, чем позолота славы.
Когда кормила Гектора Гекуба,
То грудь ее не так была прекрасна,
Как сына лоб, когда у греков он
Пятнал мечи.

(Прислужнице.)

Валерии скажи:

Готовы мы приветствовать ее.

Уходит прислужница.

Виргилия

Спасет ли небо мужа мне в борьбе
С Авфидием ужасным?

Волумния

Авфидия собьет он под колено
И попирать его ногами станет.

Входит Валерия с привратником и прислужницей.

Валерия

Добрый день, дорогие мои.

Волумния

Милая Валерия!

Виргилия

Я рада видеть тебя.

Валерия. Как вы себя чувствуете? Всегда заняты хозяйством! Что это вы шьете? Прекрасная вышивка, клянусь честью!
(Виргилии.) А как твой сынок?

Виргилия

Благодарю, он здоров.

Волумния. Он больше любит глядеть на мечи и слушать барабан, чем учиться.

Валерия. Видно, пошел в отца. Право, это прелестный ребенок. Представьте, в среду я полчаса наблюдала за ним; ах, какое у него смелое лицо! Я видела, как он бегал за золотым мотыльком: поймает, потом отпустит — и снова за ним; отпустит — и снова поймает. Иль то, что он упал, рассердило его,

или что другое, но только он стиснул зубы, так вот, — и разорвал мотылька. Надо было видеть, как он рвал его!

Волумния Вспылил по-отцовски.

Валерия Да, он замечательный ребенок.

Виргилия Шаловлив очень.

Валерия. (*Виргилии*) Отложи шитье и отдохни немного. Прогуляемся вместе.

Виргилия Нет, милая, я не пойду из дома.

Валерия Не пойдешь?

Волумния Пойдет, пойдет.

Виргилия. Нет, нет, как бы вы меня ни уговаривали, я не переступлю порога, пока мой супруг не вернется с войны.

Валерия. Полно! Очень глупо так замуровывать себя. Должна же ты навестить добрую соседку, которая больна.

Виргилия. Я желаю ей скорого выздоровления и помогу ей своими молитвами, но идти к ней я не могу.

Волумния. Но почему же, скажи, пожалуйста?

Виргилия. Во всяком случае, не по лености и не от недостатка расположения.

Валерия. Ты хотела бы, я вижу, стать второй Пенелопой. Однако говорят, что пряжа, сотканная ею без Улисса, только развела моль по всей Итаке. Пойдем! Жаль, что твое полотно не может чувствовать боли, как твой палец; тогда ты из сострадания перестала бы его колоть. Ну пойдем же с нами!

Виргилия Прости, милая Валерия, я не пойду.

Валерия Нет, пойдем. Я сообщу тебе хорошие вести о твоём муже.

Виргилия О нет, никакие вести еще не успели прибыть.

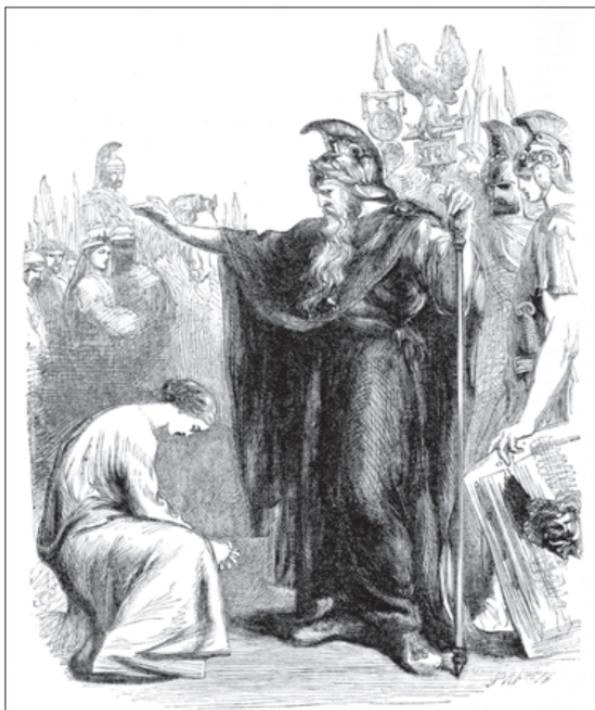
Валерия. Уверяю тебя, я не шучу; ночью получено известие.

Виргилия Неужели?

Валерия. Правда; один из сенаторов рассказывал при мне. Вольски выступили в поле; против них пошел полководец Коминий с частью римских сил. Твой муж и Тит Ларций осадили тогда их город Кориолы; они не сомневаются, что победят и быстро закончат войну. Это правда, честное слово. Ну, пойдем же с нами.

Виргилия. Прости меня, дорогая. Когда это кончится, я во всем буду слушаться тебя.

ТИТ АНДРОНИК

Действующие лица

Сатурнин, сын умершего римского императора, потом император.

Бассиан, брат Сатурнина.

Тит Андроник, знатный римлянин.

Марк Андроник, народный трибун, брат Тита.

Люций
Квинт
Марций
Муций

} Сыновья Тита Андроника.

Люций Младший, мальчик, сын Люция.

Публий, сын Марка Андроника.

Эмилий, знатный римлянин.

Аларб
Деметрий
Хирон

} Сыновья Таморы.

Арон, мавр, возлюбленный Таморы.

Военачальник, трибун, гонец, деревенский парень (шут).

Римляне и готы.

Тамора, королева готов.

Лавиния, дочь Тита Андроника.

Кормилица и черный ребенок.

Родственники Тита, сенаторы, трибуны, военачальники, воины, слуги.

Место действия — Рим и его окрестности.

АКТ I СЦЕНА I

Рим. Перед Капитолием. Видна гробница Андроников. Трубы.

Входят наверху трибуны и сенаторы; затем входят внизу, с барабанами и знаменами, с одной стороны — Сатурнин и его приверженцы, с другой — Бассиан и его приверженцы.

Сатурнин Патриции, опора прав моих,
Оружьем защищайте их законность;
И вы, сограждане, друзья, мечами

Наследный сан отстаивайте мой:
Я — первородный сын того, кто был
До нас последним венценосцем Рима.
Величие отца за мной упрочьте
И старшинство мое не опорочьте.

Бассиан

Вы, римляне, защита прав моих,
Коль Бассиан, сын цезаря, снискал
Благоволенье царственного Рима, —
Вход в Капитолий охраняйте здесь.
Да не приблизится порок бесчестить
Трон цезарей, величью посвященный,
Умеренности, правде и добру;
Да воссияют в избранном заслуги.
Боритесь за свободный выбор ваш.

Входит наверху Марк Андроник с короной.

Марк

При помощи друзей и партий, принцы,
Вы боретесь за титул и за власть,
Но знайте, что народом Рима, чьею
Особой волей мы облечены,
На цезарский престол единогласно
Андроник избран, по прозванью Пий,
За многие заслуги перед Римом:
Достойней мужа, воина храбрее
Нет в наше время в городских стенах.
Сенатом он на родину отозван
С войны тяжелой против диких готов;
С сынами смелыми, грозой врагов,
Он покорил воинственное племя.
Десятилетье протекло с тех пор,
Как, став за Рим, он дерзких покарал
Оружием; пять раз он возвращался,
Изнанен, в Рим и сыновей отважных
К нам привозил в гробах.
И вот, добычей славной отягченный,
Андроник добрый возвратился в Рим,
Достойный Тит, великий в деле бранном.
Во имя цезаря, кому хотели б
Преемника достойного вы дать,
И правом Капитолия с сенатом,
Столь чтимых нами, говорите вы, —
Вас заклинаем избежать насилья
И, отпустив друзей, в смиренье, в мире
За право состязаться как истцы.

Сатурнин Смирил мой дух трибун красноречивый!
Бассиан Так в честь твою я верю, Марк Андроник,
И в беспристрастие и в прямоту,
Так почитаю и люблю тебя,
И Тита, брата твоего, с сынами,
И ту, которой предан я всецело, —
Лавинию, красу и гордость Рима, —
Что отпустить своих друзей готов;
И милости народа и судьбе
Вверяю я мое избранье взвесить.
Приверженцы Бассиана уходят.

Сатурнин Друзья, за ревность к праву моему
Благодарю всех вас и отпускаю;
И милости, любви моей отчизны
Вверяю я избранье и себя.
Приверженцы Сатурнина уходят.

Будь так же милостив ко мне, о Рим,
И справедлив, как мною ты любим! —
Открыть ворота! Пропустить меня!

Бассиан И я войду в них, скромный соискатель.
Трубы.

Сатурнин и Бассиан поднимаются в Капитолий.
Входит военачальник.

Военачальник

Дорогу, римляне! Андроник добрый,
Поборник правды, Рима лучший воин,
Победоносный в битвах, данных им,
Вернулся к нам со славою и честью,
Мечом из римских вытеснив владений
И в рабство наших обратив врагов.

Трубы и барабаны.

Входят Марций и Муций, за ними два человека, несущих покрытый
черным гроб; затем Люций и Квинт. За ними Тит Андроник;
затем Тамора, королева готов, с Аларбом, Хироном,
Деметрием, Ароном и другими пленными готами; за ними
следуют воины и народ. Гроб ставят на землю, и Тит говорит.

Тит Привет, о Рим, и в трауре победный!
Как тот корабль, который груз свой сбросил
И с драгоценной кладью входит в порт,
Откуда с якоря впервые снялся, —
Андроник прибыл, лаврами повит,
Приветствовать отчизну со слезами,

Слезами счастья о возврате в Рим.
Хранитель Капитолия великий,
Будь милостив к обрядам предстоящим!
Вот двадцати пяти сынов отважных, —
Приам имел и вдвое больше их —
Остаток жалкий, — мертвых и живых!
Кто жив, тех награди любовью, Рим;
Кого я вез к последнему жилищу,
Тех подле праха предков упокой.
Мне дали готы в ножны меч вложить.
Что ж, допускаю, нерадивый к близким,
Сынов своих еще не погребенных
Блуждать по мрачным Стикса берегам!
Им возле братьев отведите место.

Открывают гробницу.

В молчанье встретьтесь, как довлеет мертвым,
И спите с миром, за отчизну пав!
Вместилище былой моей отрады,
Обитель доблести и благородства,
Хранишь ты многих сыновей моих
И никогда не возвратишь мне их!

Л ю ц и й

Дай нам славнейшего из пленных готов,
Чтоб, изрубив, мы на костре его
Ad manes fratrum¹ в жертву принесли
Перед земной темницей их останков, —
Чтоб не томились тени неотмщенных,
Смущая нас зловещим появленьем.

Т и т

Возьмите, вот знатнейший из живых:
Он старший сын несчастной королевы.

Т а м о р а

О, стойте, братья-римляне! Ты, Тит,
Великодушный победитель, сжался
Над матерью, страдающей за сына;
О, если дорог сын тебе родной,
Подумай! Мне ведь так же дорог мой!
Иль мало вам того, что нас пригнали
Украсить въезд твой триумфальный в Рим,
Твоих рабов и Рима подъяремных?
Ужели сыновей моих зарежут
За подвиги в защиту их отчизны?
О, если этот подвиг должно чтить

¹ Братским теням... (Все иноязычные фразы и отдельные слова в этой пьесе — латинские.)

В твоих сынах, — в моих он так же славен.
Андроник, не пятнай гробницы кровью.
Ты хочешь уподобиться богам?
Так будь же в милосердьи им подобен;
Ведь милосердьи — признак благородства.
Оставь мне сына, благородный Тит.

Т и т Прости мне, королева, и смирись.
Вот братья тех, кого видали готы
В живых и мертвыми; за павших жертвы
Благочестиво требуют они.
Твой сын к тому намечен и умрет,
Чтоб успокоить тени отошедших.

Л ю ц и й Забрать его и развести огонь!
Мечами будем тело на костре
Рубить, пока не обратится в пепел.

Сыновья Андроника с Аларбом уходят.

Т а м о р а Обряд бесчеловечный, нечестивый!
Х и р о н Была ли Скифия такой жестокой?
Д е м е т р и й Со Скифией сравнится ль властный Рим?
Аларб почует, мы же остаемся
Под грозным взором Тита трепетать.
Смирись же, королева, но надейся,
Что боги, давшие царице Трои
Возможность беспощадно отомстить
В его шатре фракийскому тирану,
Тебе помогут, королеве готов, —
Пока мы готы, ты ж их королева, —
За кровные обиды отплатить.

Входят сыновья Андроника с окровавленными мечами.

Л ю ц и й Отец и господин, исполнен нами
Обряд наш римский. Уж Аларб изрублен,
И внутренности брошены в огонь,
И дым, как фимиам, воскурен в небо.
Похоронить осталось наших братьев
И бранным звоном в Риме здесь их встретить.

Т и т Да будет так, и да пошлет Андроник
Последнее прощанье душам их.

Трубы. Гроб вносят в гробницу.

Здесь, сыновья, покойтесь с миром, с честью;
Герои Рима, тихо почивайте,
Сокрыты от превратностей и бедствий.

Не сторожат измена здесь, ни зависть,
Отрава не растет; здесь нет ни шума,
Ни бурь, но тишина и вечный сон.
Здесь, сыновья, покойтесь с миром, с честью!

Входит Лавиния.

Лавиния Да здравствует Андроник с миром, с честью!
Отец и господин, живи во славе!
Здесь, на могиле, приношу слезами
Дань погребенью братьев и, склоняся
К твоим ногам, я слезы проливаю
От радости, что ты вернулся в Рим.
Благослови меня десницей славной;
Ее победам рукоплещет Рим.

Тит Рим благосклонный бережет любовно,
На радость сердцу, старости утеху! —
Переживи мой век! Цвети по праву,
Извечной добродетели во славу!

Входят внизу Марк Андроник и трибуны;
возвращаются Сатурнин и Бассиан со свитой.

Марк Да здравствует любимый брат мой Тит,
Любезный взорам Рима, триумфатор!

Тит Благодарю, трибун и брат мой Марк.

Марк Племянники, с победой поздравляю
И вас, живых, и спящих в славе, вас!
В удаче все вы, юноши, сравнялись,
Поднявшие за родину мечи.
Но погребенья торжество надежней:
Оно Солонова взыскует счастья,
На ложе чести победив превратность. —
Андроник Тит, тебе народ наш римский,
Чьим другом истинным ты был всегда,
Через меня, посредника, трибуна,
Шлет паллий непорочной белизны
И намечает к выборам на царство
С наследниками цезаря — тебя:
Надев его, стань нашим *candidatus*¹
И Рим наш обезглавленный возглавь.

Тит Прилична телу славному глава
Получше этой, что от лет трясется.

¹ Носящий белый плащ (паллий), какой надевали в Риме на высокие государственные должности.

К чему смущать нас, в паллий облачившись?
 Быть избранным сегодня всенародно,
 А завтра власть сложить, и жизнь отдать,
 И новые навлечь на вас заботы?
 Рим, сорок лет я был твоим солдатом,
 И силой ратной управлял с успехом,
 И девятнадцать смелых сыновей
 Похоронил, что мужественно пали
 За родину с оружием в руках.
 Почетный посох дайте мне на старость,
 Не скипетр — миром управлять; держал
 Его высоко, кто держал последним.

Марк Тит, пожелай лишь — и получишь власть.
 Сатурнин Трибун надменный, можешь ли ручаться?
 Тит Терпенье, принц.

Сатурнин О Рим, будь справедлив.
 Меч обнажив, патриции, не прячьте,
 Пока я в Риме цезарем не стал.
 Андроник, в ад отправишься ты прежде,
 Чем у меня сердца народа взять!

Люций Гордец ты, Сатурнин, — добру мешаешь,
 Которое готовит Тит тебе!

Тит Принц, успокойся, я верну тебе
 Сердца народа, у него ж отняв их.

Бассиан Андроник, я не льщу тебе, но что
 И буду чтить тебя, пока не умер;
 И если партию мою поддержишь,
 Признателен я буду; для достойных
 Признательность — почетней всех наград.

Тит У римского народа и трибунов
 Поддержки я прошу и голосов.
 Их дружески Андронику дадите ль?

Трибуны Чтоб доброго Андроника почитать,
 Отпраздновав счастливое прибытье, —
 Кто избран им, того народ признает.

Тит Благодарю, трибуны, и прошу,
 Чтоб выбор пал на старшего из принцев,
 На Сатурнина, чьи заслуги, верю,
 Рим озарят, как землю — луч Титана,
 И правосудие в стране возрастят.
 Итак, совет мой вам — венчать его,

Марк Провозгласив: «Да здравствует наш цезарь!»
С согласия и при одобренье всех,
Патрициев, как и плебеев, принца
Мы императором провозглашаем:
«Да здравствует наш цезарь, Сатурнин!»

Непрерывные трубные звуки, пока они сходят вниз.

Сатурнин Андроник, за твои услуги, нынче
Оказанные при избрании нам,
Тебе я благодарность изъясляю
И по заслугам наградить хочу.
И для начала, Тит, чтоб возвеличить
Твой славный род, хочу императрицей
Лавинию назвать, царицей Рима,
Властительницей сердца моего,
С ней сочетавшись браком в Пантеоне.
Доволен этим предложеньем ты?

Тит Да, господин мой, и высокой честью
Союз тот почитаю для себя.
И здесь же, перед Римом, Сатурнину,
Вождю и повелителю народа,
Властителю вселенной, посвящаю
Мой меч, и пленников, и колесницу —
Дары, достойные владыки Рима.
Прими же их как дань, трофеи славы,
К твоим ногам повергнутые мной.

Сатурнин Благодарю, отец моей любви,
Тит славный! Как я горд тобой и даром —
Свидетель Рим; и, если я забуду
Малейшую из всех заслуг бесценных,
Вы, римляне, забудьте верность мне.

Тит *(Таморе)*
Ты цезаревой пленницею стала;
Согласно с саном, Тамора, твоим
Поступит благородно он с тобою.

Сатурнин *(в сторону)*
Красавица от головы до ног!
Ах, если б ею обладать я мог!
(Громко.)
Лик скорбный, королева, проясни.
Войны превратности тому причиной;
Но ты явилась в Рим не на позор:
В тебе всегда признают королеву.

- Доверься мне и не давай печали
Затмить надежды все. Твой повелитель
Возвысить может королеву готов. —
Лавиния, не гневаешься ты?
- Лавиния О нет! Порукой Сатурнина честь,
Что эта речь — лишь царственная лесть.
- Сатурнин Благодарю. — Ну, римляне, идемте.
Без выкупа мы пленных отпускаем.
Пусть нашу славу трубы возвестят.
- Трубы.
- Сатурнин ухаживает за Таморой.
- Бассиан *(хватая Лавинию за руку)*
Тит, разреши мне! Девушка — моя.
- Тит Как! Ты серьезно говоришь, мой принц?
- Бассиан Да, Тит, вполне; и доказать намерен
Как право, так и правоту свою.
- Марк *Suum cuique*¹ — в нашем римском праве:
Лишь собственность берет по праву принц.
- Люций И он возьмет ее, коль буду жив.
- Тит Изменники! Где стража государя?
Лавиния похищена! Измена!
- Сатурнин Похищена! Но кем же?
- Бассиан Тем, кто прав,
Свою невесту ото всех отняв.
- Бассиан и Марк с Лавинией уходят.
- Муций Вы, братья, помогите скрыться ей,
А я останусь охранять здесь двери.
- Квинт, Люций и Марций уходят.
- Тит Ее верну я. Государь, за мной!
- Муций Ты не пройдешь здесь.
- Тит Как, мальчишка дерзкий!
Путь в Риме преграждаешь мне?
(Закальвает Муция.)
- Муций На помощь!
(Умирает.)

Во время этой схватки Сатурнин, Тамора, Деметрий,
Хирон и Арон уходят и появляются наверху.

Входит Люций.

¹ Всякому — свое.

- Люций Отец, ты больше чем несправедлив:
В неправой ссоре умертвил ты сына.
- Тит Ни ты, ни он — не сыновья вы мне:
Так сын не опозорил бы. Изменник,
Лавинию ты цезарю вернешь!
- Люций Лишь мертвою! Она обручена
С другим — и цезарю женой не будет!
(Уходит.)
- Сатурнин Знай, Тит, нет нужды цезарю в тебе,
Ни в ней, ни в ком из твоего семейства.
Я лучше верюсь тем, кем был осмеян,
Вам — никогда, надменным, вероломным
Виновникам позора моего.
Иль не нашлось вам на потеху в Риме
Другого никого? Согласны, Тит,
Дела такие с похвальбой твоей,
Что у тебя я выклячил державу.
- Тит Чудовищно! Какое оскорбленье!
- Сатурнин Но будь по-твоему; отдай девчонку
Тому, кто за нее махал мечом;
Зять будет славный: он поспорить может
С беспутными твоими сыновьями
В уменье государство возмутить.
- Тит Нож — эта речь для раненого сердца.
- Сатурнин Ты ж, Тамора, правительница готов,
Затмившая собой красавиц римских,
Как дивная Фебея — нимф своих,
Коль выбором неожиданным ты довольна,
Тебя, своей супругою избрав,
Провозглашу императрицей Рима.
Одобришь ли мой выбор, королева?
Здесь римскими богами я клянусь,
Затем, что близко жрец с водой святою,
И факелы пылают, и готово
Для Гименея все, — не покажусь
На римских улицах, и во дворец
Я не войду, пока, обвенчан с нею,
Не уведу отсюда я супругу.
- Тамора Здесь, пред лицом небес, клянусь я Риму, —
Коль Сатурнин возвысит королеву,
Она слугой его желаний станет
И матерью — для юности его.

Сатурнин В храм, королева. — Следуйте, друзья,
За императором с супругой милой,
Дарованною Сатурнину небом,
Исправившим судьбу ее премудро.
Там совершатся брачные обряды.

Уходят все, кроме Тита.

Тит Не позван я сопровождать невесту.
Когда ты был, Андроник, так отвергнут,
Так опозорен, обвинен в измене?

Входят Марк, Люций, Квинт и Марций.

Марк О Тит, подумай, что ты совершил!
В ничтожной ссоре сына ты убил.

Тит Нет, нет, глупец-трибун, не сын мне он;
И ты и те сообщники деянья,
Нас опозорившего, — кто вы мне?
Презренный брат, презренные сыны!

Люций Дай схоронить его как подобает;
Как братьев, Муция дай схоронить.

Тит Не смей, изменник! Здесь ему не место,
Гробница эта пять веков стоит;
Я заново ее отстроил пышно.
Здесь только воины и слуги Рима
Покоятся во славе — не буяны.
Где знаете, кладите, но не здесь.

Марк О брат мой, это будет нечестиво:
Оправдывают Муция деянья.
Он должен с братьями быть погребен.

Квинт И будет, иль за ним уйдем мы следом.

и Марций

Тит «И будет!» Кто сказал здесь это слово?

Квинт Тот, кто его повсюду подтвердит.

Тит Как! Схоронить без моего согласия?

Марк Нет, славный Тит, но просим у тебя
Прощенья Муцию и погребенья.

Тит И ты меня ударил, Марк, по шлему!
С мальчишками ты ранил честь мою!
Вас за врагов всех почитаю я;
Уйдите прочь, оставьте все меня.

Марций Он вне себя; нам лучше удалиться.

Квинт Не схоронив останков, не уйду.

Марк и сыновья Тита становятся на колени.

ТРОИЛ И КРЕССИДА

Действующие лица

Приам, царь троянский.
Сыновья Приама: Гектор, Троил, Парис, Деифоб,
Гелен.
Маргарелон, побочный сын Приама.
Троянские вожди: Эней, Антенор.
Калхас, троянский жрец, сторонник греков.
Пандар, дядя Крессиды.
Агамемнон, греческий полководец.
Менелай, брат его.
Греческие вожди: Ахилл, Аякс, Улисс, Нестор,
Диомед, Патрокл.
Терсит, безобразный и непристойный грек.
Александр, слуга Крессиды.
Мальчик, слуга Троила.
Слуга Париса.
Слуга Диомеда.
Елена, жена Менелая.
Андромаха, жена Гектора.
Кассандра, дочь Приама, пророчица.
Крессиды, дочь Калхаса.
Троянские и греческие воины, слуги.

Место действия — Троя и греческий лагерь.

ПРОЛОГ

Пред вами Троя. Вот могучий флот
Властителей. Их непреклонный дух
Воспламенен обидою и гневом;
В Афинах приготовили они
Тьму кораблей, отлично оснащенных

Орудиями яростной войны.
Во Фригию теперь они спешат:
Все греки поклялись разрушить Трои,
Затем что там, за крепкими стенами,
Прекрасная супруга Менелая
С красавчиком Парисом почивает.
И вот уже достигли Тенедоса
Их глубоко сидящие суда
С военным грузом. Вот уже в долине
Дардании разбили лагерь греки,
Еще не побывавшие в боях.
Приама город высится пред ними,
И шесть его прославленных ворот
За крепкими запорами надежно
Хранят своих сынов.
И ожиданье битвы возбуждает
Драчливый пыл у греков и троянцев;
Но я сюда явился перед вами
В доспехах ратных вовсе не за тем,
Чтоб этим сочинителя-поэта
Или актера лучше ублажить,
Но чтобы в подобающем наряде
Вам, зрителям почтенным, объявить,
Что, пропустив начало этой распри,
Мы с середины дело поведем,
Но все покажем в пьесе — день за днем.
Нам ваши похвала и осуждение —
Как воинам успех иль поражение.

(Уходит.)

АКТ I СЦЕНА I

Троя. Перед дворцом Приама.
Входят Трои и Пандар.

Трои Где мой слуга? Снимаю я доспехи.
 Как мне сражаться под стенами Трои,
 Когда жестокий бой в груди моей?
 Пускай любой сражается троянец,
 Свободный сердцем. Я, Трои, пленен!

Пандар Ужель исправить этого нельзя?

Трои Умны, искусны и отважны греки,

И хитростью, и храбростью сильны,
А я теперь слабее женских слез,
Восторженной невежд, смиренной спящих,
Трусливой девы, в темноте бредущей,
Неопытной, чем малое дитя.

Пан д а р. Ладно уж. Я довольно говорил с тобою об этом; теперь я больше не вмешиваюсь. Помни только: хочешь дождаться пирога, умей дождаться размола!

Т р о и л. А разве я не ждал?

Пан д а р. Размола-то ты ждал, но нужно еще подождать, пока муку просеют!

Т р о и л. А разве я не ждал?

Пан д а р. Ну, допустим, ждал; но надо ж дать и тесту взойти!

Т р о и л. Да я и этого ждал!

Пан д а р. Ну, допустим, ждал, но надо еще и пирог сделать, и печь затопить, и пирог испечь, да еще и дать ему остыть, а то можно и обжечься!

Т р о и л Поверь мне! Даже бледное Смиренье
 Странаньем не томится так, как я:
 Сижу я за Приамовым столом,
 А предо мной прекрасная Крессида
 Является в мечтах — и я, изменник,
 Изгнать ее из сердца не могу!

Пан д а р. Да, вчера вечером она была прекрасней, чем когда-либо: прекрасней всех женщин на свете.

Т р о и л Порою сердце у меня в груди
 От скорби разрывается на части,
 Но я боюсь, чтоб Гектор иль отец мой
 Странанья моего не разгадали.
 Как солнце в бурю освещает тучи,
 Так я улыбкой прячу боль свою,
 Но скорбь не скрыть веселостью притворной:
 Она прорвется вновь печалью черной!

Пан д а р. Да что там говорить! Не будь ее волосы немного потемнее, чем у Елены, нельзя бы и решить, которая из них лучше. Мне, конечно, как родственнику не пристало хвалить ее, но вот если бы кто-нибудь послушал, как она говорит... Я, конечно, не отрицаю таланта сестры твоей, Кассандры, но...

Т р о и л О мой Панدار, Пандар! Скажу тебе,
 Что я похоронил свои надежды.

Панدار. Прошу тебя, не говори со мной больше об этом. Я хочу забыть об этом — и делу конец. *(Уходит.)*

Тревога.

Троил Умолкните, о мерзостные крики!
Глупцы мы все — и греки и троянцы.
Поистине Елена хороша,
Коль собственною кровью ежедневно
Ее мы подтверждаем красоту.
Но не могу сражаться я за это:
Сей довод слаб для моего меча.
Но Пандар мой!.. О боги! До чего же
Терзаете вы бедного меня!
Один лишь Пандар мне помочь способен,
Но так же он упрям и неподкупен,
Как гордая Крессида холодна.
Открой мне, Аполлон, во имя Дафны,
Которую любил ты, — что такое
Крессида, Пандар? Что мы все такое?
Как Индии жемчужина, сияет
Она в своем дому. Нас разделил
Стремительный поток — свирепый, дикий.
Я лишь купец, а храбрый мой Пандар
И лодка мне, и кормчий, и надежда!

Тревога.

Входит Эней.

Эней Царевич, что ж ты не на поле боя?

Троил А просто так. По-женски я ответил
И, сознаю, по-женски поступил.
Но расскажи, Эней, какие вести?

Эней Не повезло Парису: ранен он.

Троил Кем ранен он?

Эней Да, слышно, Менелаем.

Троил Парису поделом — терпи и знай:
Тебя проткнул рогами Менелай.

Тревога.

Эней Пошла потеха! Есть где разгуляться!

Троил А мне-то что ж? Томиться и скрываться?
Куда ты, друг? Спешешь вернуться в бой?

Эней Спешу! Лечу!

Троил Идем же: я с тобой!

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Улица.

Входят Крессида и слуга ее Александр.

Крессида Кто там пришел?
Александр Гекуба и Елена.
Крессида Куда они спешат?
Александр К Восточной башне.
Оттуда лучший вид на всю равнину:
Они желают битву наблюдать.
Ведь даже Гектор, терпеливый нравом,
Не выдержал сегодня, говорят:
Супругу разбил, избил слугу
И, как усердный пахарь, до рассвета
Вскочил, надел доспехи и помчался
На поле боя. Там рососою страха
Покрылись нынче все цветы и травы,
Пророчески оплакивая беды,
Которые несет с собою многим
Гнев Гектора.

Крессида Но чем же он разгневан?
Александр Да слух идет, что есть у греков воин
Троянской крови, Гектора племянник,
По имени Аякс...

Крессида Ну дальше что?
Александр Он, говорят, силач непревзойденный;
Такого с ног не свалишь.

Крессида. Ну таковы все мужчины, если они не пьяны, не больны и не безноги.

Александр. Но этот, госпожа, у многих животных позаимствовал присущие им свойства; он храбр как лев, груб как медведь, медлителен как слон; это человек, в котором природа все нагромодила; его доблесть доходит до глупости, а глупость приправлена рассудительностью. В нем есть и проблески всех добродетелей, и задатки всех пороков. Он и грустит и веселится беспричинно: все у него шиворот-навыворот, все ему дано и все не к месту. Он как бы Бриарей, заболевший подагрой: рук много, а толку мало, или как бы ослепший Аргус: глаз уйма, а ничего не видит.

Крессида. Но у меня такой человек вызывает только улыбку. Чем же он так рассердил Гектора?

Александр. Да говорят, что вчера он во время боя сбил Гектора с ног; а это уж такой позор, такой стыд, что Гектор с тех пор не спит и не ест.

Входит Пандар.

Крессида Кто там?

Александр Дядюшка ваш Пандар, госпожа.

Крессида Гектор — храбрый человек.

Александр Самый храбрый в мире, госпожа.

Пандар О чем речь? О чем речь?

Крессида С добрым утром, дядюшка Пандар!

Пандар. С добрым утром, племянница! О чем вы тут толкуете? — Здравствуй, Александр. — Ну как ты живешь, племянница? Когда ты была в Илионе?

Крессида. Сегодня утром, дядюшка.

Пандар. Ну так о чем же вы толковали, когда я вошел? Что, Гектор уже был в бою, когда ты явилась в Илион? А как Елена? Еще не вставала?

Крессида. Гектора уже не было, а Елена еще не вставала.

Пандар. Еще бы: Гектор-то поднялся рано!

Крессида. Об этом мы и толковали, и еще о том, как он был разгневан.

Пандар А разве он был разгневан?

Крессида Да вот он говорит.

Пандар. А ведь правда был! Я даже и причину его гнева знаю. Ну уж скажу вам: будет он сегодня все вокруг себя крушить, да и Троил от него не отстанет, и Троила нужно побаиваться, уж будьте уверены!

Крессида Как! Разве он тоже разгневан?

Пандар. Кто? Троил? Да Троил еще почище Гектора!

Крессида. Юпитер! Между ними и сравнения быть не может!

Пандар. Как! Не может быть сравнения между Троилом и Гектором? Да как ты можешь судить о человеке с первого взгляда?

Крессида. А если взгляд не первый? Если я его раньше знала?

Пандар Ну, словом, Троил есть Троил.

Крессида. Так ведь ты повторяешь мои слова: и я уверена, что он не Гектор.

Пандар Ну, да и Гектор не Троил.

Крессида Справедливо: каждый из них сам по себе.

Пандар. По себе? Увы! Бедный Троил сам по себе, но не в себе!

Крессида. Нет — и по себе и в себе.

Пандар. Ах, если бы это было правдой, я бы готов босиком в Индию сходить!

Крессида А впрочем, я знаю только, что он не Гектор.

Пандар. Но он не в себе, уверяю тебя, он не в себе. Боги тому свидетели. Время, конечно, лучший врач... Ах, Троил, Троил! Как бы я хотел, чтобы она смотрела на тебя моими глазами! Нет, Гектор не лучше Троила!

Крессида Ну уж извините!

Пандар Он старше.

Крессида Ну уж простите!

Пандар. Троил еще молод. А вот что ты скажешь о нем, когда он будет в годах Гектора! У Гектора и теперь такой сообразительности нет.

Крессида. Да ему и не нужна чужая сообразительность: у него своей достаточно.

Пандар Да и других достоинств нет.

Крессида Это не важно.

Пандар И красоты такой нет.

Крессида. А ему красота и не нужна: он такой, как есть, хорош.

Пандар. Ты ничего не понимаешь, племянница! Даже сама Елена третьего дня сказала, что хотя Троил и смугловат, этого и я не отрицаю, но у него такая кожа, что этого не заметишь.

Крессида Но все-таки он смуглый.

Пандар. Ну, это как посмотреть: конечно, смугловат, но можно сказать, что и не смугловат, по правде говоря.

Крессида. То есть, говоря по правде, — и правда и неправда.

Пандар. Но она сказала, что Троил по всем статьям лучше, чем Парис.

Крессида Да и у Париса статей достаточно.

Пандар Это так.

Крессида. Значит, Троил его превзошел. Уж если Елена сказала, что он лучше Париса, значит, было за что его похвалить. У Елены такой золотой язычок, что она Троила и за медный лоб похвалит!

Пандар. Могу поклясться, по-моему — он нравится Елене больше, чем Парис.

Крессида. Что ж, она легкомысленная гречанка.

Пандар. Да-да, он ей нравится! Она даже третьего дня подошла к нему, когда он стоял у окна. Хотя у него еще на подборке разве что три-четыре волоска найдется!

Крессида. Маловато, конечно. С такой арифметикой в любом трактире половой управится.

Пандар. Да, он очень молод, но уже теперь фунта на три больше Гектора стащит!

Крессида. Стащит? Неужели? Так молод и уже способен стащить?

Пандар. Вот доказательство того, что Елена равнодушна к нему: она подошла и своей лилейной ручкой провела по его раздвоенному подбородку.

Крессида. О Юнона, пощади нас! А кто же его раздвоил?

Пандар. Ну, видишь ли, у него на подбородке ямочка. Да у него и улыбка лучше, чем у всех фригийцев.

Крессида О, улыбается он поистине замечательно!

Пандар Не правда ли?

Крессида Совсем как осенние облака!

Пандар. Ну уж оставь пожалуйста! А если ты хочешь убедиться, что Елена влюблена в Троила, то лучшая проба...

Крессида. Ну, пробу-то он выдержит, если она захочет попробовать.

Пандар А для Троила она не стоит и выеденного яйца.

Крессида. Выеденное яйцо ничем не хуже пустой головы, а есть любители тухлых яиц, которые едят невылупившихся цыплят...

Пандар. Я без смеха вспомнить не могу, как она щекотала ему подбородок: у нее чудесной белизны руки, должен сознаться.

Крессида Без пытки сознаешься?

Пандар. И знаешь, умудрилась найти на подбородке один седой волосок.

Крессида. Бедный подбородок! Любая бородавка богаче его!

Пандар. То-то было смеху: царица Гекуба смеялась так, что у нее слезы потекли ручьями.

Крессида. Можно сказать — смеялась в три ручья.

Пандар И Кассандра смеялась.

Крессида. Ну, пожалуй, у этой смех похолоднее: вода в ее глазах, вероятно, не закипела и через край не полилась!

Пандар И Гектор смеялся.

Крессида Да почему же они все так смеялись?

Пандар. А как же: ведь Елена отыскала белый волосок на подбородке Троила.

Крессида. Если б она отыскала зеленый волосок, я бы тоже посмеялась.

Пандар. Они не столько смеялись волоску, сколько ловкому ответу Троила.

Крессида А что же он такое ответил?

Пандар. Она сказала: «Вот, на твоём подбородке я насчитала пятьдесят два волоска и только один — седой».

Крессида Так это ее слова?

Пандар. Ну да. А он ответил: «Белый волосок — это отец, а все остальные — его сыновья». — «Ах, Юпитер! — воскликнула она. — Который же из этих волосков супруг мой Парис?» — А Троил ответил: «Вот этот подлиннее — раздвоенный, рогатенький. Выдерни этот волосок и подари ему!» — Это вышло забавно: Елена так покраснела, а Парис так обозлился, что все покатались со смеху.

Крессида. Ну что ж: покатались, и пусть катятся.

Пандар. Словом, племянница, я тебе еще вчера кое-что сказал: подумай-ка об этом.

Крессида. Я думаю.

Пандар. Клянусь тебе — это правда: он плачет, как небо в апреле!

Крессида. А я от его слез вырасту, как крапива в мае!

Трубы. Отбой.

Пандар. Слышишь: они возвращаются с поля битвы. Отойдем-ка в сторону и посмотрим, как они будут проходить

мимо, к Илиону. Прошу тебя, дорогая моя племянница, прекрасная моя Крессида!

Крессида. Ну отойдем, если тебе так хочется.

Пандар. Сюда! Вот сюда! Стань сюда! Это чудесное местечко. Отсюда мы все отлично увидим. Я тебе всех назову по именам, когда они будут проходить мимо, но, прошу тебя, особенно заметь Троила!

Крессида. Не говори так громко.

Мимо проходит Эней.

Пандар. Вот Эней! Чем не храбрец? Он — украшение Трои, это верно. А все-таки особенно заметь Троила.

Крессида. А это кто?

Мимо проходит Антенор.

Пандар. Это Антенор. Он, скажу я тебе, человек язвительный, но неплохой человек. Это одна из самых умных голов Трои. И притом настоящий мужчина. Но где же Троила? Я сейчас покажу тебе Троила. Если он меня заметит, ты увидишь, как он мне подмигнет.

Крессида. Подмигнет? Разве он картежник?

Пандар. Ну, словом, увидишь.

Крессида. Ну что же! Если он тебе умело подмигнет, ты выиграешь.

Мимо проходит Гектор.

Пандар. А вот Гектор. Смотри! Смотри! Вот это человек! Да здравствует Гектор! Это действительно храбрый человек, племянница! О славный Гектор! Посмотри, как он выглядит! Вот это внешность! Ну разве не храбрец?

Крессида. О да! Настоящий храбрец!

Пандар. Не правда ли? Просто сердце радуется! Посмотри, сколько отметин на его шлеме! Ты посмотри только! Видишь? Посмотри лучше! Это не шутки. Вот это так отметины!

Крессида. А они действительно от мечей?

Мимо проходит Парис.

Пандар. От мечей? Возможно. Он ведь никого и ничего не боится. Даже самого дьявола не испугается. Клянусь богом, сердце радуется, на него глядя. А вот идет Парис! Вот идет Парис! Смотри-ка, племянница. Ну разве не прекрасный мужчина? А? Он даже похож на героя. Кто это сказал, будто он сегодня

ня был ранен? Он не ранен. Ну теперь Елена обрадуется. Ах, скорей бы мне увидеть Троила. Сейчас ты увидишь Троила!

Крессида. А это кто?

Проходит Гелен.

Пандар. Это Гелен. Нет, я хотел бы знать, где же Троил? Это Гелен. Он, пожалуй, не был в бою сегодня. Это Гелен.

Крессида. А Гелен способен сражаться?

Пандар. Гелен? О нет! А впрочем, он мог бы довольно хорошо сражаться. Но где же все-таки Троил? Чу! Слышишь? Народ кричит: «Троил! Троил!» Гелен ведь жрец...

Крессида. А это кто там пробирается?

Пандар. Где? Там? Это Деифоб. Нет, я ошибся. Это Троил!

Проходит Троил.

Вот это человек! Гм... гм... Храбрый Троил, цвет нашего воинства!

Крессида. Тише, тише, постыдись.

Пандар. Обрати на него внимание. Запомни его. О храбрый Троил! Внимательно приглядишься к нему, племянница. Посмотри: меч его в крови, а шлем иссечен еще больше, чем шлем Гектора. А что за взгляд! А что за поступь! Замечательный юноша! Ведь ему еще и двадцати трех нету. Да здоровствует Троил! Да здоровствует Троил! Будь у меня сестра, по прелести равная Грациям, или дочь, по совершенству равная богине, я предоставил бы ему выбрать любую. Замечательный мужчина! Что Парис! Парис по сравнению с ним просто дрянь, ничтожество. Я ручаюсь, что Елена ничего не пожалела бы, чтобы променять Париса на него.

Проходят солдаты.

Крессида. Вот идут еще.

Пандар. Ну это уж ослы, дураки, олухи, оборванцы и всякое отребье. Каша после жаркого. Троилом я мог бы всю жизнь любоваться. Теперь уж смотреть не на кого. Орлы все улетели. Теперь пойдут вороны да галки, вороны да галки. Единственно кем бы я хотел быть, так это Троилом. Это даже лучше, чем быть Агамемноном.

Крессида. У греков есть Ахилл; он-то уж лучше твоего Троила.

Пандар Ахилл? Ломовик! Носильщик! Верблюд!

Крессида Полно, полно!

СОДЕРЖАНИЕ

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. <i>Перевод с английского П. Козлова</i>	5
АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА. <i>Перевод Д. Михаловского</i>	89
ТРАГЕДИЯ О КОРИОЛАНЕ. <i>Перевод А. Смирнова</i>	209
ТИТ АНДРОНИК. <i>Перевод А. Курошевой</i>	329
ТРОИЛ И КРЕССИДА. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	403